

Елена АРСЕНЬЕВА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КЛЕОПАТРЫ

Елена Арсеньевна Арсеньева

Приключения Клеопатры

*Текст предоставлен правообладателем
Приключения Клеопатры:*

Аннотация

Если правда, что каждый из нас проживает несколько жизней и пересекает разные эпохи в поисках своей истинной сути, то почему происходит это? Что за сила вынуждает наши души к этим странствиям? Герои этого романа убеждены, что эта сила – Любовь, и они бессильны с ней бороться, да и не пытаются, переносясь из Древнего Египта в российскую реальность 90-х годов, из Древнего Китая в далекое, почти нереальное будущее, где рисунки созвездий небесных оживают и влияют на судьбы людей...

Содержание

Вместо пролога	5
Стрелец	9
Кони златые	27
Браслет с изумрудом	35
Лабиринты времени	42
Лицом к лицу	45
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Елена Арсеньева

Приключения Клеопатры

*Мы удалились в страну вечности,
Чтоб наши имена не были забыты.*

Из древнеегипетской поэзии

Вместо пролога

Генваря 16 дня 18... года.

Милостивый государь!

Покорнейше прошу прощения, что взял на себя смелость обратиться к Вам с посланием сим и отвлечь от дел, без сумнения, гораздо более важных, нежели разбирание почерка моего. Пишу же я к Вам по случаю внезапной кончины некоего постояльца гостиницы «Египет», кою имею я счастье содержать, а именно – прапорщика N-скаго пехотного полка Евгения Бушкова. Сей молодой человек – мир праху его! – судя по некоторым признакам, приятельствовал с Вами, милостивый государь. Простите вольность мою, однако же г-н Бушков, отойдя в мир иной, не заплатил мне по счету некую сумму денег, а держал он в принадлежащей мне гостинице не только номер, но и стол. Исчисливши *les frais*¹, кои были сделаны на его содержание в последнее время его жизни, я позволил себе, поскольку кошелек покойного был почти пуст, в дополнение взять из оставшегося имущества несколько вещей – о, сущих безделиц! – стоимость коих хотя бы в малой степени покрыла бы долг покойного. Поскольку Вы, г-н Булгарин, по слухам, являетесь душеприказчиком оно-

¹ Все расходы (*франц.*).

го, соблаговолите проглядеть подробный перечень тех предметов, кои мною взысканы из имущества прапорщика Бушкова. Можете всецело положиться на мою педантичность. Итак.

1. Ваза синего фарфора с белыми рисунками, подделка под старинный китайский фарфор.

2. Браслет фальшивого золота, с мелкими серебряными колокольцами, также несомненная подделка под древнее украшение.

3. Том «Современника», восьмой номер, 1837 года – взыскан только лишь для возвращения законному владельцу, ссудившему г-на Бушкова этою книгою на время.

4. Гитара с оборванною струною.

5. Клубок нитей для ремесла златошвейного.

6. Писанная маслом картина без рамы, весьма сомнительных достоинств, изображение неба звездного.

Как Вы можете видеть, милостивый государь, я был более чем скромнен в своих притязаниях, учитывая причитающиеся мне суммы. Прочее же имущество покойного г-на Бушкова, как то: сундучок, носильные вещи, оружие и проч., а также адресованное Вам письмо переправляю к Вам с оказиею. Уж вы этим, будьте так любезны, извольте соответственно распорядиться!

Вам, милостивый государь, должно быть, занимательно узнать, как настигла Вашего приятеля безвременная кончина? Произошло это прелюбопытнейшим образом! Извест-

но ли Вам, что г-н Бушков был тяжело болен? Полковой лекарь полагал его болезнь неизлечимою. Однако же по осени произошло внезапное улучшение, кое искренне порадовало всех добрых приятелей г-на Бушкова, и меня в их числе, — всех, кроме самого предмета нашего беспокойства. Чудилось, смерть была бы для него желанною гостью, столь тяжело горевал он об своем выздоровлении. Он все дни просиживал запершись в своем номере, не предпринимая никакие столь необходимые самочувствию увеселительные прогулки.

Судя по некоторым бессвязным репликам, кои приходилось мне совершенно случайно слышать, исцеление свое г-н Бушков числил со времени посещения его скромного жилища неизвестною дамою. Иначе чем Клеопатрою несчастный ее не называл. Он уверял, что Клеопатра сия посетила его, сжалившись над безнадежностью его состояния, и ненужное ему спасение от смерти — единственная память об том свидании. «Дар жалости и презрения!» — восклицал бедный безумец, присовокупляя, что без раздумий готов вновь захворать, лишь бы сия Клеопатра воротилась к нему. Он молил Бога о возобновлении телесных страданий своих, чтобы дать исцеление душе, несчастный!

Здесь, сударь, я вынужден сделать следующее заявление. Никогда, ни при каких обстоятельствах ни одна особа, удостоенная столь помпезного прозвища, не осмелилась бы переступить порога принадлежащей мне гостиницы. За нравственную физиогномию постояльцев моих я слежу сам, и с

отменным усердием! Да и болезненное состояние г-на Бушкова не могло позволить ему входить в какие-либо сношения с особою противоположного пола, кроме платонических. Так что слова о Клеопатре следует отнести на счет бреда нашего страдальца. И безумие оного разрешилось воистину трагически. В студёный зимний вечер он исчез из своего номера незаметно для постороннего глаза. Его хватились лишь только наутро. Мы нашли его окоченелого, в недвижной позе, с поднятыми руками, напоминавшего закованное морозом древо. За оное и принял слуга прапорщика в предрассветных сумерках своего господина.

Недолгое время несчастный еще дышал, спросил бумаги, чернил... Вскорости после того опочил, несвязно шепча что-то о Небесной реке, в которой омывается его возлюбленная Клеопатра. Последними словами его были: «Son idee... sans cesse!»

Прах Вашего приятеля покоится на N-ском кладбище. День погребения был студен и ветрен. Пороша тотчас накинула на свежий холмик белое покрывало.

Покорнейше прошу Вас, милостивый государь, коли будете Вы в наших местах, так непременно почтите своим присутствием гостиницу «Египет». По мере моих скромных возможностей я всячески служу постояльцам моим и ни в ком еще не встречал неудовольствия. Остаюсь всегда готовый к услугам – Викентий Можейка.

Стрелец

- Стрелец, внимание. Через семь секунд начало. Приготовиться к выходу!
- Я – Стрелец. Спокойно. Не в первый раз.
- Мизансцены помнишь? Сперва гнетущее такое состояние...
- Отстань! Анита, готова?
- Да, дорогой.
- Тогда можно выходить.
- Еще секунда... Я – режиссер! Внимание всем... Трансляция!
- Есть трансляция!

Первый шаг в Сферу всегда заставляет сердце замереть.словно бы глядишь сквозь окно в черное беспредельное небо, и вот против твоих глаз возникает одна серебряная блеска... другая... третья... и этот вихрь сияний, этот блаженный хоровод!

На микромониторе, вмонтированном в перстень, пошли титры. Стрелец промчался сквозь бурное пламя фона, невольно заслоняясь рукой. Волшебное ощущение свободы и одиночества: взошел на небеса, летишь между солнц, соединился с вихрем планет! Сфера открывалась ему, словно сердцевина необозримого цветка. Сладостное, дурманящее головокружение – чудилось, некая сверкающая воронка за-

тягивает его в свои глубины непостижимым, непредставимым с Земли круговращением созвездий...

В этот миг кончились титры, и Стрелец словно бы ощутил на запястье, там, где браслет-передатчик, дрогнувшие пальцы Аниты: tandem «Суперактер – дубль-транслятор» повел прямую передачу из Сферы Свободного Воображения, где начинало разворачиваться действие третьей части космической феерии под названием «Стрелец и Девять Солнц».

Шлем-страшила (браво, подумал Стрелец, откопал же сценарист названьице для суфлера!) порою начинал бубнить голосом режиссера, корректируя кадр. Надвинув Забрало, Стрелец мчался по небесам, словно по степи, отмахивая шагами сотни и сотни световых лет. Вот уже и Лебедь медленно, не качнув крылом, воспарил над ним, и, подобная холодному голубому глазу, засветилась звезда Денеб. Вот Дракон обвил его стремительный путь своими тугими кольцами. Расстелились в беге Гончие Псы, и Стрельцу показалось мимолетно, будто они вот-вот вцепятся в длинный звездный хвост Большой Медведицы. Волопас проводил его печальным взором, не выпуская поводка, которым он обречен сдерживать прыть Гончих Псов. И, как всегда в начале трансляции из Сферы, пьянея от зрелища космических волшебств, начисто позабыв предписанное сценарием «гнетущее состояние», Стрелец словно бы ощутил счастливое замирание сердец тех, кто сейчас, оставаясь на Земле, видел то же, что и он, чувствовал тот же восторг, что и он.

Но вот наконец впереди замерцало созвездие Девы, и Стрелец умерил свой немыслимый бег. Ведь именно в этом краю Вселенной и находилась, по сценарию, Планета Десяти Солнц.

Призрачное свечение сменилось жгучим светом костром. Чудилось, пламя солнц ревело!

С болью, мгновенно воспринятой Анитой и переданной на миллиарды телеэкранов Земли, Стрелец смотрел на приближающуюся планету, одновременно создавая ее образ в своем воображении – согласно сценарию. Вековечная пустыня! Голый, залитый ослепительным светом шар. Не то что деревца – штриха тени нет на нем. Но все же планета была обитаема. Люди зарылись в землю, построили там селения, и многие поколения лелеяли жизнетворную мечту: уничтожить девять солнц. Тогда планета воскресла бы...

В предыдущей серии герою посчастливилось раздобыть в созвездии Стрелы молнии для лука-громобоя: единственное средство истребить яростные солнца. О, желание помочь братьям по разуму, запертым в тесных подземельях, снедало сердце! Тетиву громобоя он натянул тогда же, в прошлом фильме, пока бежал по Млечному Пути от Кассиопеи до Орла. Лоб его под невидимой маской невольно покрылся потом при одном воспоминании, как же дьявольски трудно это было, и Стрелец знал, что сейчас покрылся испариной лоб Аниты, оцепеневшей в своем кресле-ретрансляторе, а на экранах появилось его сосредоточенное лицо...

Он потянул из-за спины колчан с молниеносными стрелами. Руки Аниты напряглись, передавая ощущение особой осторожности, с которой он брался за смертоносное оружие, и Стрелец мельком подумал: какая нелепость, что дублер-ре-транслятор для него, мужчины, атлета, – тоненькая, бледная женщина! Конечно, такие случаи не редкость, ведь женщины куда восприимчивее, эмоциональнее, чем мужчины. Очень часто творческое содружество суперактера или актрисы и их дублеров заканчивалось супружеством, тандем не распадался и в реальной жизни, но Стрелец, хоть убей, не воспринимал Аниту как предмет пылкости. Анита это, похоже, знала и скрытно горевала, что для Стрельца она лишь двойник, второе «я», но не мужского, не женского, а словно бы среднего рода! Недаром же Стрелец категорически отказался, когда именно Аниту предложили ему для прообраза героини сегодняшней серии – Светлой Девы. По сценарию она влади-чица одного из солнц, да и все они в конце концов окажутся разумными существами, и Стрельцу придется девять из них лишить жизни, в том числе и Светлую Деву, чтобы вернуть жизнь планете... Актрису на роль Светлой Девы так и не нашли, привередливому Стрельцу теперь придется создавать во Вселенной выдуманный, призрачный образ. Он был уверен, что это не составит особого труда: всю ночь персональный сновидец навевал видения боттичеллиевых Граций, Венеры, Весны, даже Марии – с их устремленными в непостижимое лазурными взорами и золотыми вихрями кос. Лик

Светлой Девы будет, наверное, напоминать эти лица...

Шлем-страшила кольнул в затылок: не отвлекайся! И во время. Одно из солнц внезапно прокатилось по небу, подобно пылающему яйцу, а когда оно расколосось, огонь принял очертания Пламенеющего Кентавра. Высекая горячими копытами искры, тот поскакал на Стрельца – Так и не успев выстрелить, он выронил драгоценную стрелку и схватился за горло, пытаясь разомкнуть огненную петлю: Пламенный Кентавр захлестнул его жгучим арканом!

Лицо Аниты в студии исказилось, она поднесла руки к горлу: на экранах крупным планом бился-задыхался Стрелец, звенела тугая золотая нить аркана. Смертоносный, испепеляющий Кентавр все ближе подтягивал героя к себе...

– Терпеть! Еще терпеть! – кровожадно бормотал шлем-страшила голосом режиссера. Все плыло в глазах Стрельца, все плыло на экранах. – Сейчас, сейчас появится Небесная Колесница. Вот она!.. Эй, эй, Стрелец, брось свои штучки!

Понятное дело, режиссер не выносил, когда суперактеры начинали нести отсебятину. Конечно, вдохновение, порыв, на то она и Сфера, но не до такой же степени!

Стрелец едва не захлебнулся вдохом, так внезапно лопнул туго натянутый солнечный аркан. Анита от изумления вжалась в спинку кресла-ретранслятора, а на экранах Земли золотую нить аркана перервала тень корабля – и заслонило солнце-Кентавра. Ну, это-то все было нормально, все по сценарию, только вот сам корабль...

Он пел!

Собственно, сначала это вообще был только звук, который постепенно становился видимым. Словно бы некий Голос плыл по небу, как по древнему, древнему морю, воспевая себя – и с каждым словом обретая зримые черты. Стрелец готов был поклясться, что уже слышал эти слова – давно, может быть, даже в детстве. Уж конечно не из сценария знал он их: в сценарии Небесная Колесница Оруженосца имела совсем другой облик. Он же видел – как будто узнавал забытое! – вот что:

У того было у сокола у корабля
Вместо очей было вставлено
По дорожному камению, по яхонту;;
Вместо бровей было прибивано
По черному соболю сибирскому;
Вместо уса было воткнуто Два острые ножа булатные;
Вместо ушей было воткнуто
Два острые копыта мурзаметские...
Нос, корма по-туриному,
Бока взведены по-звериному...

– Ну откуда здесь выходить Оруженосцу?! – прорвался вдруг сквозь дивный Голос негодующий вопрос режиссера. – Только посмотри, только посмотри, что ты натворил, Стрелец! А сценарий, а все планы, значит, побоку?!

О нет... это натворил не Стрелец, не его своевольное во-

ображение в контакте со Сферой! Тень Корабля-Сокола опутывала одно злобное солнце за другим, оставляя за кормой темное, благодатное, звездистое небо, овеявая свежестью планету-пустыню.

Что, смятенно думал Стрелец, что это может быть? Стиковка параллельных трансляций исключена: телефирма, нарушившая основное условие пользования Сферой – строжайшее соблюдение эфирного времени, – автоматически исключалась из числа совладельцев. Желающих рискнуть не находилось: выход из корпорации владения Сферой равносильно краху телефирмы. Ведь с открытием Сфры обрушились в прошлое кино и обычное телевидение. Разве что театр – балет, опера – мог еще с ней конкурировать. Живость, острота впечатлений и ощущений – вот чем брала Сфера. Однако свободные художники, одиночки, не участвуя в международной корпорации, проникнуть туда тоже не могли. Сферу охраняли строже, чем государственные банки. Слишком уж велика становилась в ней власть подсознания, парализующую силу обретала фантазия, вырвавшаяся на волю и мгновенно создающая такие живые, такие реальные образы...

Но в ход феерии о Десяти Солнцах явно вмешалось чужое воображение, нарушив течение сценария! Что же теперь?

Вдруг золотистые нити протянулись из корабля во все стороны. Стрелец отпрянул было, но сверкающая пряжа оплела его, словно паутина. Он заметался опять, заметалась в сту-

дии Анита.

– Хорошо, Стрелец, хорошо, больше жизни, – вновь сладострастно зазвенело в шлеме, но вдруг раздалось восторженное режиссерское «О-о!» – и Стрелец тоже увидел, что опутавшие его солнечные лучи – это пряди волос, которые заплетает солнечная дева, сидящая на самом краешке небесного яруса, принакрытого узорчатой парчой. Рядышком лежало веретено с куделью-облаком.

Дева, заплетая самосветными пальцами косу, вынула из-за пояса острый нож и начала выводить по небу невнятные черты и знаки.

Шлем-страшила онемел, Стрелец остолбенел от страха и восторга, и Анита оцепенела, а на мониторе-перстне и экранах Земли плыли чарующие нарезки, навевающие не то сон, не то страсть, не то тревогу сердечную.

– Руны? – очнулся режиссер. – Нет, иероглифы, о, смотрите! Опять руны? Цифры?!

Да, семь цифр проступили сквозь туман изумления: 147 52 04 – и окрасились, будто золотом, солнечными лучами.

– Стрелец,! Ты что, умер там?! – кричал режиссер. – Экранное время истекает, а действие стоит. Причем тут цифры?! Это эклектика! Соблюдай хотя бы единую стилистику воображения! Да что с тобой? Окликни ее!

Похоже, режиссер начал смиряться, что прежний сценарий полетел к чертям, и положился на разбушевавшееся воображение Стрельца – при своей корректировке, понятное

дело.

– Ты только не отвлекайся теперь!

«Господи, да неужели я... неужели кто-то смог бы такое вообразить – и так вообразить! Да и на боттичеллиевых дев она похожа, как живой оригинал на неживую копию».

Стрелец все же приоткрыл пересохшие губы, чтобы позвать... Дева подняла на него синий хрустальный взор – словно бы влага воздушных токов коснулась его лица! От улыбки она стала совсем уж нестерпимо прекрасной – и спорхнула вдруг с края небес, взвилась ласточкой, чиркнула крылом по невидимому куполу Сферы, Зацвинькала, – и, судя по стону, который испустил режиссер. Стрелец понял, что и сам не ослышался, что и впрямь прощebetала касатка на всю Сферу:

– Son idée se retrace sans cesse!..

Лук-громобой, завидев добычу, сам собой зарокотал, забился в руках Стрельца, но птицу заслонила волна Эридана. Зашипели брызги на яростных солнцах.

– Хорошо, хорошо, уж ты не промажь! – шипело и в ушах Стрельца. – Пауза затягивается! Подобьешь сначала ее – так даже душевнее. А Пламенного Кентавра уложишь в следующей серии.

Стрелец не шевельнулся. Пустить смертоносную стрелку в нее?! Прекратить эти приключения Вселенной, волшебю явившиеся ему? О чем, о чем эти чужие слова?!

– Анита! – чуть ли не взрыдал режиссер, почуявший его

яростное сопротивление и свою невозможность направить действие фильма в нужное русло. – Это провал, чудовищный провал! Господи, спаси и помилуй!

И Анита, распрямившись в кресле-ретрансляторе, медленно повела руками, воспроизводя движения человека, натягивающего лук. Да, было такое право у режиссеров во время трансляции из Сферы: подчинять разбушевавшееся воображение суперактеров действиями дубль-трансляторов.

Светлая Дева тем временем утерла лицо облачком, выжала влагу и повесила облако сушить на рог дальнего полумесяца, подставила влажные волосы ветру, а потом, спохватившись, сняла с неба звездочку и застегнула ею мокрую рубаху на груди.

А руки Стрельца, помимо его желания, механически повторяли жесты Аниты. «Сфера, отпусти на волю!» – чуть не вскрикнул он, но не смог разжать губ. Лицо на экранах отражало мучительную душевную борьбу – это, пожалуй, было единственно понятным в буйстве событий, которые наблюдала чуть ли не вся Земля. И все-таки его воля оказалась крепче, он пересилил Аниту: не стиснул пальцами молнию, не прозвенел звонкой тетивой! Напротив – сделал движение отбросить громобой...

Все плыло в его глазах от напряжения, и поэтому он не сразу заметил, что созвездие Персея, повинувшись мысленному посылу ожесточившейся, отуманенной ревностью Аниты, оставило свое насиженное на небесах место и направилось

к Стрельцу.

Замедлив бег крылатых сандалий, Персей резко повернул к усталому, почти обессиленному Стрельцу страшную свою ношу, которую он крепко держал за пряди змееносных волос.

Голова Медузы Горгоны, покачиваясь в пространстве, обратила на Стрельца ядовитый взор.

Затмилась лучезарная Сфера! Одно, одно только видел теперь Стрелец – злобное сверканье звезд-глаз Медузы. Он хотел зажмуриться... не смог... оцепенели ресницы, веки, кровь, замирало сердце, засыпала воля... он чувствовал, что обращается в камень.

– Стоп, Анита! – донеслось как бы сквозь тяжелую мглу, и Персей исчез из Сферы вместе со своим ужасным орудием.

А Стрелец, еще не очнувшись от полусмертного сна, поднял руки, словно зачарованный, медленно, медленно вновь натянул тетиву громобоя... И вот уже распорол небо молниеносная стрелка, но Светлая Дева, нахмурясь, успела сорвать с небес одно из солнц и прикрыться им, как щитом.

Это было последнее, что увидел Стрелец, потому что прямо в лицо ему грянул залп огня!

Анита в студии страшно закричала. Режиссер оторвался от монитора и с ужасом уставился на нее. Лицо и руки Аниты были сплошь красными, словно обожженными!.. Страшное слово «катастрофа» зажглось и замигало в голове режиссера – Секунду он оставался неподвижен и безгласен, а затем

впился в микрофон:

– «Скорую» в Сферу! Бригаду пожарных! Да помогите же им! О боже!..

В своем кресле исходила воплями Анита, а на экранах то- нул в чудовищном костре Стрелец... Наконец пронесся за- поздалый титр: «Конец третьей серии».

Заря на небе перегорела и угасла.

147 52 04

Послышался хрустальный звон, и больной открыл глаза. Матовый цветок у изголовья медленно наливался прохлад- ным голубоватым сиянием. Голос, тоже чистый, хрусталь- ный, произнес:

– Дорогой гость нашей лечебницы, как вы себя чувству- ете? Может быть, вас что-то тревожит? Беспокоит? Раздра- жает?

– Нет, нет, спасибо, все очень хорошо, – торопливо обо- рачиваясь к цветку, ответил больной.

– В таком случае, не примете ли вы посетителя? – спросил голос.

– Что опять со студии? – упавшим тоном спросил боль- ной, у которого немедленно появилось ощущение, будто его что-то тревожит, беспокоит и раздражает.

– Нет. Ваш посетитель – представитель Международной Дирекции Сферы Свободного Воображения.

– Международной Дирекции?! – невольно приподнялся больной. – Ну что же, прошу!

Через миг он с почтением взирал на очень загорелого немолодого человека, который, несмотря на бакенбарды изрядной пышности, походил на римского сенатора в своем белом мундире с золотым шитьем – форме высших чинов Сферы. Слегка улыбаясь, гость приветственно прижал руки к груди и сел возле ложа больного.

– Рад видеть вас почти здоровым. Стрелец. Вы, надеюсь, позволите называть себя так? Конечно, мне известно ваше настоящее имя, но для почитателей вашего таланта эта роль настолько сроднилась с вашим обликом, что...

– Ну, теперь я и сам не знаю, каков мой облик, – перебил Стрелец. – Зеркал мне не дают. Правда, постоянно уверяют, что все будет в порядке.

Посетитель, казалось, пытается проникнуть взглядом под целебную маску, покрывавшую лицо Стрельца.

– Кстати, вы знаете, что Анита уже вернулась домой? – спросил он, избегая дешевых утешений, и больной внезапно почувствовал, что успокаивается.

– Да, она заходила проститься. Слава богу, на ее лице ничего не заметно. По моей вине ей здорово досталось, но она не держит на меня зла.

– Вам обоим здорово досталось, – констатировал посетитель. – Но применимо ли тут слово «вина» – еще надлежит доказать.

– Вы, сударь, говорите как работник юстиции!

Его гость повел бровью:

– Честно говоря, почетным званием и элегантной формой представителя Международной Дирекции ССВ я воспользовался, чтобы проникнуть к вам, не вызвав излишнего беспокойства здешнего замечательного и сверхзаботливого персонала. Моя фамилия Булгарин, я магистр Юридического отдела Комитета по КВЦ... Вам известно, что такое КВЦ?

– Да, – не сразу ответил озадаченный Стрелец. – Мне известно, что такое КВЦ. Контакт с Внеземными цивилизациями! Мне только неизвестно было, что существует Комитет, а при нем вдобавок есть Юридический отдел.

– При встрече двух высоких сторон необходимо соблюсти необходимые формальности, – невозмутимо ответил магистр Булгарин, слегка поклонившись.

– Конечно, – подхватил обиженный мистификацией Стрелец, – контактов с внеземными цивилизациями пока не было, правда, и вроде не предвидится, но юридической соломки лучше заранее подстелить, не так ли? – Он совсем было развеселился, как вдруг до него дошло, наконец: – О господи, простите, сударь... значит, вы полагаете, эта фантазматическая Сфера... коШтакт?

Булгарин энергично кивнул, но ответил осторожно:

– Не исключено. Правда, существует и аварийная, так сказать, версия: материализованное воображение вышло из-под контроля. Мы ведь совсем мало знаем Сферу, хотя исполь-

зуюм ее возможности, что называется, и в хвост и в гриву.

– Да... а я-то принял Деву сначала за один из образов, населяющих Сферу. Она не подчинялась игре воображения... Может быть, она и есть владычица Сферы?

– Едва ли. Иначе Персей не повиновался бы Аните, ведь, вынуждая вас выстрелить в Деву, он действовал против этой *la belle dame sans merci*.

– Что вы сказали? – встрепнулся Стрелец.

– Прекрасная дама без пощады, – перевел Булгарин. – Выражение времен безупречного рыцарства! Держу пари, я знаю, почему вы зацепились за эти слова, сударь!

Стрелец молчал.

– *Son idée se retrace sans cesse!* – медленно произнес Булгарин, и занебесная ласточка мелькнула в памяти Стрельца. – Что означает: «Сей образ витает там непрестанно!» Странно прозвучала эта изысканная французская фраза в небесах, в царстве вихрей и молний!

– Да уж, все в этой истории невыразимо странно, однако эти слова воистину поразительны. И цифры! Неужто у них, кто бы то ни был, такое же начертание цифр, как у нас? Может ли это быть? И что зашифровано в них?

– Это может быть что угодно, – пожал плечами Булгарин. – Скажем, случайный набор знаков – как символ того, что им известна наша цифровая система. Или вообще иллюзия. Сфера на многое способна. И еще это похоже на какой-то определенный номер телефона, к примеру.

– Номер телефона? – изумился Стрелец. – Да разве у телефонов бывают номера? Кроме нуля, понятное дело.

Булгарину, чудилось, доставило удовольствие его искреннее недоумение.

– Это нынче у телефонов нет номеров, потому что все абоненты с рождения подключаются к Единой Телепатической Системе. Стоит взять аппарат и вызвать в воображении образ человека, с которым нужно связаться, как срабатывает код ЕТС – и пожалуйста, обращайтесь! Необходима беседа с организацией или неизвестным вам человеком – вызываете через ноль справочную, и вас соединяют с кем угодно. Но суть в том, что, к примеру, в XX и XXI веках были совсем иные аппараты – и самые разнообразные телефонные номера. В прошлом веке номера были уже десятизначными...

– Ничего себе! – присвистнул Стрелец. – Значит, если это номер телефона – то из XX века, поскольку семизначный?

– Точнее, из последней его трети. Наша служба, кстати сказать, запросила из Института Времени, – тут Булгарин улыбнулся не без ехидства, – соответствующую информацию по так называемым телефонным справочникам. И вот что выяснилось: в девяностые годы позапрошлого столетия подобные номера встречались в Москве, Петербурге, Нижнем Новгороде и других крупных городах. Но особенно заинтересовал нас номер 147-52-04, зарегистрированный в Обимурске. Принадлежал он редакции самого первого в стране журнала «Фантастика», выходившего в те годы.

– Вот именно, фантастика! – пытаюсь разогнать какое-то мистическое напряжение, охватившее его, отмахнулся Стрелец. – Чтобы она, призрак небесный... называла, да что! вырезала на небосклоне!... какой-то реликтовый номер телефона – это, знаете, как-то... что-то...

– Не то? – подсказал Булгарин. – Фантастика?

– Фантастика! – с жаром повторил Стрелец. – Такое только в Сфере и возможно.

– Вы затронули самые чувствительные струны моей души, сударь, – торжественно заявил его гость. – Видите ли, в одной из ветвей моего рода был некий человек... Ничего не напоминает вам моя фамилия?

Стрелец пожал плечами.

– Современник Пушкина, – продолжал гость. – Фигура неоднозначная, противоречивая, ни современниками, ни потомками далеко не оцененная, однако ж при том один из первых русских писателей-фантастов. Правда, последующим поколениям почему-то вменялось в добродетель знать иные его произведения... – При новом, еще более сконфуженном, пожатии плеч гость отступился: – Впрочем, не в нем дело. А в том, что невероятность происшедшего нашло в моем сердце самый горячий отклик. Именно потому стою на своем: прекрасная дама вырезала на небесах номер телефона, дорогой мой Стрелец. И скорее всего, тот самый, фантастическо-обимурский. Взгляните сюда.

Он вынул из кармана своего белого мундира мутно-синий

квадратик микрофильма:

– У вас тут, конечно, есть телеочки? А, вот они. Как, хорошо настроены? Эффект присутствия отрегулирован? Обычно в казенных телевиках страдает цветоотделение, однако тут дело не в цвете, вам главное – в ситуации разобраться. Имейте в виду. справа идет текстовая дорожка: если что-то будет непонятно, можно остановить кадр и прочесть пояснения. А они, думаю, потребуются – картинка фантасмагорическая, я не раз ею наслаждался, однако и сейчас не упущу случая, – приговаривал он, заправляя пленку, помогая Стрельцу надеть теле-очки и примеряя запараллеленное видеоустройство. – Я вот тут, в кресле посижу, а вы запускайте, запускайте изображение!..

Кони золотые

Картинка оказалась четкой, цвета насыщенными, несмотря на опасения Булгарина. Перед глазами Стрельца появилась, судя по всему, журнальная страница с крупным заголовком: «СФЕРА ТАИНСТВЕННОГО». Далее было набрано помельче: «Кони... за облаками?» И следовал текст:

«Сегодня гостями нашей рубрики стали летчики-испытатели – люди необычной профессии, первооткрыватели Небесных дорог, как говорится. Мало кто из нас в силах вообразить тот невероятный, фантастический мир, который открывается взору пилота, когда он на своем сверхзвуковом самолете поднимается в запредельные выси и видит красоту вечного неба...»

Стрелец обратил внимание, что страница имела заметный желтоватый оттенок, шрифт – непривычные начертания. Да еще это доисторическое название – «сверхзвуковой самолет»... Ясно – это страница из старинного журнала, возможно, той же поры, что и загадочный номер телефона.

Тем временем теле-очки начали переводить текст в изображение, и Стрелец увидел двух пилотов в гермошлемах и комбинезонах под прозрачным фонарем крючконосого, подобного хищной птице, самолета. Он уж знал, что фамилии их Ишкин и Алов, летели они на спарке, потому что Алов являлся инструктором, а Ишкин должен был под его присмот-

ром выполнить программу ночного полета. Впрочем, все это были сведения, не имеющие отношения к действию, а пока Стрелец словно бы сделался неосязаемым третьим в двухместной кабине.

Поглядев вниз, на стремительно уходящую Землю, он увидел, что из-за облаков вышла луна – и сразу сдернула черное бархатное покрывало, все тихо засияло. Темная грива тайги раскинулась вдоль гладкой, словно бы расплавленным серебром наполненной реки.

Но вот самолет круто пошел ввысь. Многоокое небо смотрело в лицо Стрельцу. Звездисто было, как только бывает сентябрьскими ночами над Обимуром. Самолет двигался на восток, навстречу утру, и линию горизонта вдруг кто-то прочертил необычайно тонкой золотой линией. Там поднималось солнце.

Сладостное оцепенение прервалось восклицанием Ишкина. Позади него стонал от изумления Алов.

Золотое лезвие рассвета, чудилось, просекло насквозь купол ночи. Словно бы там, за черным, непроницаемым пологом, клубился густой туман, дотоле сокровенный от взоров людей. И вот сейчас туман этот, подобный белому яблонево-му цветению, медленно, но неостановимо проникнул в узкую светящуюся щель.

Неподвижные и незаходимые звезды стали вокруг самолета – круговращение небес как бы замедлилось. Мотор работал, но и оба пилота, и Стрелец вместе с ними чуяли, что

все замерло в эти мгновения – все, кроме движения белого, белоснежного тумана.

Уже весь ночной шатер заполонила легкая дымка, когда Ишкин и Алов вдруг заметили, что светлая черта расширяется, а туман вокруг нее сгущается, все более насыщаясь огнистым сиянием.

То ли крылья свои распростерла птица златоперая? То ли солнечная река гонит волны за край небес? То ли Вселенская Осень вызвала листопад во всех звездных садах разом?

Круче туманные клубы, четче очертания... Золотая грива плещется, в кольца свивается, золотистая шея, словно тугой лук, изогнута, горят жаркие глаза, искры-звезды разлетаются из-под копыт двух коней рассветных, что пустились вскачь по небесному, вмиг посветлевшему полю, по синим его волнам. И вьется вокруг них непредставимый в этих заоблачных высях ветер – стремительный, шумящий, порывистый ветер, третий соперник в зазвездной скачке.

Ветер бушевал, как рать в поле бранном, но не мешал протяжным прыжкам, и касаньям, и столкновеньям, и сплетеньям двух золотых облачных коней, увлеченных игрою любовной.

Ушли давно звезды, сокрылись, словно потревоженные звери-зверяницы, а кони то смыкали грудь с грудью, то возносились в немыслимые выси. вновь низвергались оттуда каскадами ослепительных прыжков, свивали волнистые хвосты и гривы, так что чудилось, это две высоты небесные

сходились в жаркой схватке – смертной ли, жизнетворящей ли, – и колебались своды Вселенские этим буйным сладострастием!

Но странные, хлюпающие звуки грубо вторглись в восторженное созерцание Стрельца. Это Алов хихикал, и Стрельцу почудилось, что, хоть и разделяет Алова и Ишкина перегородка, инструктор подталкивает в бок своего подопечного, тыча при этом пальцем в дивные картины.

Ветер Вселенский бил, речи пакостные уносил, однако же разобрал Стрелец, что Алов подбивает Ишкина позабавиться, бросить хищную машину на самозабвенную пару в самый миг божественного слияния – и разогнать, испугать, помешать, запакостить!..

И кинулся сверхзвуковик вперед, ревом своим разрывая небесные своды.

Нет, нет, Стрелец ничего не мог сделать, ничем не мог помешать похабному замыслу, однако почему же на миг почудилось ему, будто это он вцепился в штурвал и заставил, всей своей страстью заставил злую машину стоять?.. Но уже через секунду он увидел светоперстую Длань, застывшую на пути самолета в преграждающем Жесте, а когда, визжа и дрожа, он замер, укрошенный, словно стала на его пути налитая огнем молния, та же сияющая рука стремительным движением опутала его длинной тенью. И голос – чистый, звенящий женский голос – страстно и яростно проговорил-пропел:

– Завяжу я по пяти узлов всякому стрелку немирному-ко-

варному на пищалях, луках и всяком оружии ратном! Вы, узлы, заградите стрелкам все пути и дороги, опутайте все луки, повяжите все оружия ратные! В моих узлах сила могуча, сила могуча сокрыта от змея летучего, гремучего, чадящего, хищноклювого, от того змея страшного!..

И спиралью завились вокруг самолета фиолетово-черные, мрачные и пустые небеса, и вошел он в чудовищный, воющий штопор, и только жалкий визг, визг в два голоса изредка доносился до слуха Стрельца – визг мокрых от ужаса Алова да Ишкина...

Черная строчка затемнила изображение:

«На высоте порядка двенадцати, километров самолет потерял управление, но экипажу удалось-таки посадить сложнейшую машину на опушку леса!»

Самолет ударился о землю так, что фонарь Алова заклинило, и Ишкин долго, потев и бранясь, вытягивал в узкую щель квадратное туловище инструктора. Стрелец наблюдал за ними, понимая, как, впрочем, понимали и они, что никакой самолет, ни при каких обстоятельствах не смог бы выйти из такого штопора, сесть вне аэродрома, уцелеть, и люди не смогли бы выжить – а поди ты, и самолет цел почти, и сами невредимы, только страшная усталость разрывает мышцы – и щеки горят, словно неведомо кто вlepил каждому по паре пощечин, да со всего плеча, да от всей души!..

Пока Ишкин и Алов возились, Стрелец успел оглядеться. С трех сторон стояла тайга, а с четвертой лежал Обимур.

Здесь утро еще только начиналось, и вдали, на противоположном берегу, ослепительно сиял сквозь редкую завесу тумана храм на крутом берегу, словно сверкающий призрак, прихоть солнечных лучей...

– Чегой-то, соколики, с вашим ковром-самолетом споделялось? – встрял в тишину дребезжащий голос.

Ишкин, Алов и Стрелец разом обернулись. Сгорбленная старушонка в ветхой одежонке, глухо укутанная в платок, легонько похлопывала пучком колосьев по тугим бокам рыжую коровку. На шее коровушки висела веревка с причудливо навязанными на ней узлами.

Долгое, долгое молчание царило на опушке, пока летчики и Стрелец мерили взорами то узлы на шее коровы, то узлы на просмоленных канатах, опутавших воткнутый в землю самолет.

– Что это? – наконец очнулся от немоты Ишкин и ткнул пальцем в шею буренки. Та брезгливо отшатнулась.

– А вязло это, соколики, – прошамкала старуха. – Вязло, чтоб хворь, аль призор, аль сила нечистая не пристали к моей красавушке. Вам-то кто, скажи на милость, на леталку наузы навязал? За какой же это грех?

– Наузы? – повторили Ишкин и Алов.

– Наузы. Узлы чародейные. Злую силу они обессиливают... А, так не вы ли это давеча на пастбищах небесных вознамерились гонять коней златых, заоблачных, когда слюбились они? – Голос старухи позвончел. – Вон тех чудесных

коней?

– О!.. Гляди-и-и! – хором взвизгнули Ишкин я Алов, разом ткнув друг друга локтями в бока: – Они! Они, с-су-у...

Стремительным скоком выметнулась из солнечных лучей огнегривая кобылица и понеслась по-над Обимуром, кося горячим глазом на златоногого жеребца, легко и весело ее настигавшего. Но почудилось Стрельцу, что они бесплотны, проникал он их взглядом, будто призраки реального.

Разом сорвали Ишкин и Алов с поясов пистолеты, но тут старуха повела руками, будто накидывала на них что-то... и два облезлых козла, истерически мемекая, забегали вокруг отлетающей свое машины, пробуя крепость рогов то на ней, то на боках «боевого товарища». Старушонка же молодо распрямилась, рассмеялась серебряным смехом – да и сгинула, как не было ее! Сгинула в тот же миг и гладкая буренка, и кони злотоогненные развеялись вместе с ветром буйным, а перед глазами Стрельца вновь побежали, как жучки, черненькие строчки:

«Мы воздержимся от комментирования этих событий. Не станем разрушать таинственности случившегося! Для спокойствия наших читателей сообщаем лишь, что доблестные покорители небес вновь приняли человеческий облик через недолгое время. История их метаморфоз стала достоянием гласности также очень скоро... когда одно из действующих лиц захотелось произвести впечатление на некую особу противоположного пола. От нее мы и узнали эту

историю. Кто-то сочтет ее ложью, кто-то – еще одной приметой Неведомого, зачастую близко, почти вплотную примыкающего к Привычному... Во всяком случае, наша «Сфера таинственного» ждет ваших новых рассказов! Телефон для справок: 147-52-04.

Рубрику «СТ» вел Григорий Лучников».

Браслет с изумрудом

Стрелец снял телеочки – и стерильный, бледно-голубой мир лечебницы показался ему вдруг таким безликим, скучным – до тошноты! – после сине-золотого сверканья, что он чуть не застонал.

Булгарин сидел в своем кресле, потирая усталые веки, но внезапно Стрелец заметил, что гость исподтишка наблюдает за ним.

– Пожалуй, я ошибся, – сказал Булгарин как ни в чем не бывало, поймав взгляд Стрельца. – Краски имели тут не последнее значение.

– Зачем вы мне это показали? – спросил Стрелец, может быть, излишне резко. Булгарин помолчал.

– А то вы не догадались!

Теперь на некоторое время замолк Стрелец. Потом с запинкой проговорил:

– Кажется, начинаю догадываться. Номер телефона (я уже начал привыкать к этому нелепому словосочетанию!) который обозначен в конце статьи, – тот же самый номер, который был начертан на небесах во время трансляции из Сферы! И вы полагаете, что он не случайно был явлен именно мне?

– Полагаю, что так.

– А почему?

Булгарин обезоруженно развел руками:

– Узнать можно только с вашей помощью.

– Это как же? – озадачился Стрелец.

– Если согласны, можете совершить небольшое путешествие и все выяснить доподлинно.

– Куда это? Какое путешествие?

– Да в Прошлое.

На секунду Стрельцу показалось, что он участвует в третьесортном фантастическом сериале. Он усмехнулся, чувствуя неловкость за Булгарина:

– Эка вы... без предисловий, ба-бах – и в Прошлое. Легко ли?

Булгарин ответил на его усмешку холодноватым мерцанием своих непроницаемых глаз:

– Зачем же нам разворачивать дешевые диалоги? Слава богу, в наш-то век люди могут позволить себе роскошь понимать друг друга с полуслова! Впрочем, ежели желаете, могу провести убедительную беседу с вами. Это тем более легко, что каждое ваше душевное движение, сударь, мне ясно и понятно. Вы не смогли уничтожить Светлую Деву – вас вынудили стрелять. Вы не исполнены жажды мести к пришельце. Прекрасно понимаете, что залп огня – лишь естественная защитная реакция с ее стороны. Теперь: вы безотрывно – и сочувственно, я наблюдал, – следили за игрой копей золотых... Душа ваша готова отозвать на зов Неведомого! Человеку уровня этих «покорителей голубых дорог», как

говаривали два века назад, даже уровня вашего режиссера я не рискнул бы предложить путешествие во Времени. Да и не смог бы: ведь не им были явлены знаки... А вы, конечно, заметили в этой картинке, – он кивнул на мутно-синий квадратик, – еще кое-что знакомое кроме знаменитого номера?

– Да. Руку, – тотчас отозвался Стрелец. – Ту ладонь, что остановила самолет Ишкина и Алова, или как их там, этих нечестивцев... И голос, голос! Я б его и сквозь сон узнал!

Он опомнился, отнял ладони от груди. Булгарин смотрел на него странно внимательно:

– Да. Я понимаю! Ведь этот же голос пел о корабле Соловья Будимеровича.

– Какого еще Соловья?

– Героя древнерусских былин киевского цикла. Корабль «инопланетянки» распевал слова одной такой былины. Да, наша гостья небесная или даже занебесная весьма искушена в земной лексике и фразеологии. А ее наряд? А прялка, кудель – да, облачная, но кудель? А нож, которым она резала небесные руны, подобно скандинавской валькирии? А эта французская фраза – изысканная, я бы сказал, салонная? Похоже, были, были уже встречи... Или хотя бы попытки их, нам оставшиеся неизвестными! Но, согласитесь, все эти приметы не могут быть зацепками – кроме номера телефона. В самом деле, по нескольким французским словам не определишь, кто обучил языку нашу межпланетную странницу. По-

этому только в одном существует хотя бы небольшая вероятность попадания в очко: 90-е годы позапрошлого века, Оби-мурск, Лучников из редакции журнала «Фантастика». И ведет-то он «Сферу таинственного»! А? Дивное совпадение?

– Знаете, я в это не верю! – отмахнулся Стрелец. – Все это фарс какой-то. Вы предлагаете мне путешествие в никуда, в пустоту, за ничем. Все мертво там давно, что было. Я не верю, что прах мыслей и пепел чувств можно воскресить ради праздного любопытства.

– Я понимаю, что именно тяготит ваше воображение, – Булгарин быстро прошелся по палате, и Стрелец наконец-то понял, что гость его тоже крайне взволнован. – Поверьте, не в праздном любопытстве дело. Впервые за всю историю планеты есть такой явный намек на Контакт. И не просто с Внеземельем, а с Внеземельем потусторонним, сказал бы я... А что касается в «никуда» и за «ничем»... Признавая существование *ничто*, мы скорее признаем существование *нечто*. Ведь если ничто есть, оно уже наполнено каким-нибудь содержанием, верно? Оно уже не ничто! Поверьте, нет ничего на свете, что исчезло бы без следа, не оставив его на месте своего исчезновения, за тысячу ли световых лет от него... или через два-три века после.

– Вы хотите сказать... сакраментальная фраза, мол, прошлое всегда рядом с нами... – заикнулся Стрелец.

– Да. Оно витает вокруг нас, оно пронизывает воздух, которым мы дышим. Ведомо ли вам дурманящее ощущение

узнавания незнакомого, чувство, будто с вами уже происходило то или иное событие? Весь опыт наших предков смыкается вокруг нас в особых, жизненно важных ситуациях – и либо предостерегает, либо манит, либо гасит наши стремления. Объективно, вне нашего сознания и вне сознания персонажей, задействованных в том или ином миге прошлого, эти искры минувшего – назовем их так – постоянно вспыхивают в одних и тех же точках Пространства, в зависимости от того, какая Вселенская Идея владеет в данное время этим Пространством и что там вершится. И если бы вы могли сейчас взглянуть на некоторые приборы – есть такие! – вы бы поразились концентрации этих искр здесь, сейчас! Все события, происходившие когда-либо на Земле или во Внемелье в связи с явлениями нашей солнцеликой Брунгильды, незримо выются вокруг нас, зовут, манят, обещают открыть свои тайны! Они трепещут, ждут нашего внимания, которое вернет им жизнь.

– Что, прямо вот здесь? – недоверчиво спросил Стрелец, окидывая взором голубые, холодно-прозрачные стены палаты. Чудилось, он лежит под ледяным куполом. Это ослабляло жар, утишало боль ожогов.

– Да. И вы сможете это увидеть сами.

– Когда же? – сказал Стрелец, и ему показалось, что он стремглав бросился куда-то.

– А когда вы будете готовы? – так же быстро спросил Булгарин.

– Врач сказал – маску снимут через три дня. Но ведь это, наверное, требует особой подготовки – в Прошлое-то... Удастся ли мне...

Стрельцу почудилось, будто он торопливо попятился куда-то прочь от Булгарина, но тот как бы ничего не заметил.

– Лабиринты Времени причудливы, бесспорно! – успокаивающе кивнул он. – Множество дверей засверкает перед вами манящими огнями, однако тут поможет наш компас. Он будет контролировать направленный хронпрокол и охранять вас от соблазнов, так сказать. – Булгарин защелкнул на запястье Стрельца узкий браслет. – Вам не привыкать носить транслятор, так что, думаю, и с этим освоитесь, он гораздо легче. Сигнал опасности – даже потенциальной – нагревание, мигание глазка. Через три дня по нашей команде задействуете вот эту микроклавишу, – он слегка коснулся тщательно отшлифованного изумруда, почти сливавшегося с поверхностью браслета, – пуск!.. И Хронолабиринты откроются вам. Постараемся, чтобы опасности обошли вас, однако страстями минувшего готовьтесь насладиться с лихвой.

– Страстями? – переспросил Стрелец. – В смысле...

– В том смысле, что претерпеть душе много придется, – отозвался Булгарин. – Пострадать. Проникнуться радостями и печальми иного Времени.

И только тут Стрелец спохватился:

– А скажите... С каких пор магистры Юридических отделов, пусть даже и Комитета по КВЦ, вправе делать такие

предложения?

– Они, может, и не вправе, – кивнул Булгарин. – А вот высшие чины Института Времени... Кстати, форму ваши телевизионщики у нас, извините за выражение, содрали. Правда, эмблему не переняли – и на том спасибо. У нас на левой стороне груди, видите, золотом вышито изображение Солнечных Часов – было в древности такое созвездие на астрономических картах. Хотел бы я знать, чье время, золотое, медовое, они отмеряли?

– Погодите! – воззвал Стрелец. – Какое медовое время? Какой Институт? Так вы не...

– Да, сударь мой, уж простите меня, ради бога, еще раз. Я ведь в действительности заведующий лабораторией НПВ в вышеозначенном институте. НПВ на нашем жаргоне означает «Направленный Прокол Времени». Прошу прощенья за комедиантство: люблю, грешник, менять личины, а пуще всего в том причина моего притворства, что хотел к вам по-лучше присмотреться.

– Ну и ну! – дернул плечом Стрелец. – Не представитель Международной Дирекции, не магистр, не Булгарин, по-видимому?

– Нет, отчего же, Булгарин, точно. И именно я буду обеспечивать ваше возвращение в случае утери браслета или каких-то неожиданностей, вести вас по запутанным Хроносом путям!...

Лабиринты времени

...знамения много на небеси. Ночью потече небо все, и бысть червлено, яко кровь, и мнози видеши течение звездное на небеси, и отторгахуся звезды от небеси на землю...

Ударило по глазам, и мгновенно пропало ощущение начала пути, ибо путь казался бесконечен, а значит, не имел и начала.

...А пред взором лежат четыре страны света: на юге – красная, на востоке – зеленая, на севере – черная, на западе – белая, и там, на западе, виднеются Зыбучие пески и Мертвая вода, а в самом центре мироздания земля желтая, и посреди желто-солнечного круга вздымается к небу гигантская шелковица Фусан, по ветвям которой порхают-перескакивают золотые птицы-солнца, поочередно возвещая рассвет своим пением.

Вцепился испуганно в запястье – скользит под пальцами чудодейный изумруд, словно некая нить скользит под пальцами, ведет...

...Лик небес затаенно глядит с высоты. Полуночные звезды уходят, звезды утренние приходят. Ветер, ветер разметал

их? Ночь крутит над головой широким подолом, путает узоры!

«Не думаю, сударь, что тот, к кому вы идете, разрешит наши недоумения – Задача-то ваша чисто разведывательная».

...Птица с головой человеческой – чья-то сгибающаяся жизнь! – парила впереди в бесконечном коридоре, что вел мимо огненных, запертых дверей, некоторые из коих вдруг распаивались, являя вспышки чужой...

«Чтобы не тратить времени на разъяснения, функцию гипноубеждения тоже возьмет на себя браслет».

...Из мирно спящих бровей колдуньи вылетела бабочка-душа и вострепетала в бездны.

«Только сигнал браслета будет знаком остановки. Все остальное лишь призраки».

...балки, кирпичи, серебристое мерцанье ткани сквозь крошево...

...Не ведаю, сколько времени минуло, вижу лишь – облака и воды беспрерывно куда-то текут. И дрожкой дрожу, и силы не стягаются дальше идти, и нить печали трепещет в пальцах,

словно нить жизни моей, манит, зовет...

Кошка сидела в сугробе, и от слез ее плавились в небесах радуга зимняя, никем и никогда не виданная.

...семнадцать – двадцати... идентифицировать не удалось... просьба сообщить...

...Колесницу света влекли за собой крылатые существа; только блеск множества глаз и взмахи сверкающих крыльев видны.

«Следим за вами, помните это и ни о чем не волнуйтесь. При самомалейшей угрозе...»

Сколько же, сколько еще блуждать среди водопада картин и звуков?!

Драконы и фениксы.... Могучие горы полны сиянием твоим, среди всех богов Вселенной никто не превосходит тебя!

...И наконец синяя ваза с изображением белого дракона ударилась о твердь и разбилась.

Изумруд на запястье мягко засветился. Лабиринт был пройден. Дверь открылась...

Лицом к лицу

...и Стрелец осознал себя среди каменных громад, в грохоте и копоты. Низко нависало мутное небо, липли к лицу мелкие снежинки. Мимо, словно подхваченные вихрем, летели люди, и лиц не мог разобрать Стрелец в нагромождении тяжелых одежд. Чудилось, он наблюдал самопроизвольное коловерчение вещей. Ветви деревьев были срублены до основания, и голые стволы мрачно стерегли улицу.

Страшен и чужд показался Стрельцу год 90-й десятого века второго тысячелетия! Страшен и чужд, словно продолжение только что пройденного им Лабиринта, словно вместо выхода нашел он пасть Минотавра!.. Но светился на запястье, успокаивая, изумрудный глазок браслета, данного Булгариным, и, собрав все силы, которые были так внезапно утрачены, словно и впрямь разбились на осколки, Стрелец обреченно шагнул к темному зданию со множеством табличек у двери. Едва ли Булгарин, даже если и впрямь следит за ним, воспримет как «самомалейшую угрозу» эту тягучую тоску, полонившую сердце, а значит, надо продолжать то, зачем пришел сюда.

Через десять минут Стрелец вновь стоял на том же месте, уже побывав в редакции и узнав, что Лучников вообще-то в штате журнала «Фантастика» не состоит – просто иллюстрирует и ведет рубрику «Сфера таинственного», так что застать

его здесь, в редакции, сложно. Тем более, что он давно гриппует.

Благодаря браслету ли, приветливости ли пожилой дамы, беседовавшей со Стрельцом, но вышел он из «Фантастики», зная адрес Лучникова, описание пути до его дома и даже неся некоторую бодрость в душе. Похоже, браслет и впрямь обладал даром гипнотическим, потому что облик и одежда Стрельца, разительно отличавшиеся от облика и одежды встречаемых-поперечных, внимания ничьего не привлекали, никто на Стрельца с изумлением не пялился, а впрочем, взоры прохожих вообще были невидящи, лица отрешенны...

Вместе со спокойствием пришло любопытство, и Стрелец даже не заметил долгого пути к дому Лучникова. Браслет посылал сигналы, которые вели его нужным путем, подсказывали, когда отдавать дань множеству условностей, принятых в этом мире. Наконец железно дребезжащая рогатая будка на колесах извергла Стрельца из недр своих на узкую улицу с приземистыми домами, и, сверившись с полученным адресом, он вошел в затхлый подъезд, поднялся по крутой лестнице и осторожно прикоснулся пальцем к кнопке над дверью с номером 20.

Что-то было во всем этом, на мгновенье ужаснувшее его: темнота, двери с номером... где-то читал о застенках, пытках...

Мысли его прервала женщина, открывшая дверь, – черноволосая, смуглая, яркая: у нее были необычайно румяные

щеки. Выражение лица ее казалось одновременно надменным и встревоженным. И Стрелец увидел с изумлением, что огонек настороженности в ее глазах не угас, несмотря на всю силу браслета.

– Мне нужен Лучников, – с запинкой выговорил Стрелец, еле удержав готовое сорваться с уст привычное «сударыня». Булгарин специально инструктировал его насчет этого обращения и божбы, непопулярных в эту эпоху!

– Его нет, – быстро и очень тихо ответила женщина, наклоня голову и глядя на Стрельцова исподлобья, отчего ее темные глаза скрылись в тени, а белки блеснули. Было в этом что-то неприятное, даже угрожающее.

– Я слышал, что он болен, – растерялся Стрелец, – но я пришел... приехал издалека.

– Болен, – кивнула женщина, то есть даже не кивнула, а как-то отмахнула головой, и Стрелец увидел, что этим движением она пыталась стряхнуть слезинки с ресниц, но одна скатилась все-таки, и Стрельцу почудилось, будто она тотчас испарилась с этой раскаленной румянцем щеки. – Что же, что издалека, – сказала женщина сдавленным голосом, словно у нее дыхание пресеклось при одном только взгляде на Стрельца. – Приехали – и уедете.

Он даже попятился.

– Если Лучникова нет, я зайду попозже, суда...

– Не знаю, будет ли он позже, – отрезала женщина, слегка нажимая дверью на плечо Стрельца, словно хотела побыст-

рее выдавить его из дома.

В это мгновение резко повеяло сквозняком, пролетел холодный ветерок, и в дверях, ведущих в комнаты, появился высокий человек в темно-серой одежде.

Лицо его выражало удивление, однако Стрельцу показалось, что с большим недоумением, чем на неожиданного гостя, хозяин смотрел на стремительно обернувшуюся к нему женщину, словно был озадачен ее присутствием в своем доме.

– Это опять ты, Анна? – спросил он недоверчиво, щурясь в полутьму коридора.

Женщина молчала.

– Ну что же... Да, а я что-то замерз сегодня, зашел погреться, – как-то непонятно сказал хозяин и улыбнулся Стрельцу. – Вы ко мне? Из редакции небось направили? У вас материал для «Сферы»?

Стрелец невольно вздрогнул при этом слове.

– Поболеть не дадут спокойно, – сказала с ненавистью Анна.

– Ничего, проходите, проходите. Я уж утомился один да один, – говорил Лучников, делая Стрельцу приглашающие жесты.

Наконец Анна посторонилась.

– Пройдите! – приказала она, и Стрелец ощутил, что взгляд ее упирается ему в спину, будто дуло огнестрела. Он с облегчением перевел дух, когда дверь за ним закрылась.

Первой мыслью его было: «Немудрено заболеть! Какая

сырость, холод!» – а потом он забыл обо всем.

Стрелец оказался в высокой просторной комнате, увешанной множеством картин. Зрелище это захватило его с первого же мгновения. Он так и замер: ведь на большинстве их был запечатлен не беспечный щебет земной красы, а мир Космоса. О нет, это был не тот Космос, который видим только астронавтам и полонил воображение большинства землян: чудовищная и манящая бездна с вкраплениями яростных солнц и межзвездными провалами – бездонными до замирания сердца, головокружения. Холод, одиночество... Нет, здесь была сверкающая, многоцветная Вселенная – обиталище богов бессмертных! – вся перебитая золотом-серебром созвездий, подобная той Вселенной, которая раньше открывалась Стрельцу только в Сфере!

Он словно бы вернулся в родимый дом... Протянул руки к стене – и спохватился, перехватив взгляд Лучникова.

– Если бы светила небесные не сияли постоянно над нашими головами, а могли быть видимыми с одного какого-нибудь места на Земле, то люди целыми толпами ходили бы туда, чтобы созерцать чудеса неба и любоваться ими. – медленно произнес Лучников, обводя картины широким жестом.

Стрелец улыбнулся:

– Вот уж точно сказано! Кто такой умный? А кто же написал эти картины?

– Слова принадлежат Сенеке. Картины – мои.

– Да, ведь вы художник, – вспомнил Стрелец сказанное

ему в редакции.

Лучников молчал. Он стоял в свободном простенке у самого окна, чуть касаясь затылком тяжелой серебристой шторы, и от этого тусклого полусвета его русые волосы казались подернутыми сединой. Лицо померкло. Теперь он показался Стрельцу постаревшим, измученным. Или и впрямь болезнь пригасила живой свет его лица? Но такую печальную усталость Стрелец встречал прежде только у много поживших, много испытывавших людей.

– Был, – внезапно произнес хозяин дома, и Стрелец не сразу сообразил, о чем речь. – Был художником.

– А теперь? – с непонятным ему самому волнением спросил Стрелец.

– А теперь... – Лучников запнулся, бросил взгляд в окно, потом опять на гостя. – Теперь хвораю. И собираю иногда случаи для «Сферы». Так что у вас там?

Стрелец смешался. Господи, да он совершенно запаматовал, зачем явился сюда, зачем искал встречи с Лучниковым!

«Решайте сами, как себя вести, – говорил на прощанье Булгарин. – Смотрите по обстоятельствам. Браслет поможет вам убедить Лучникова в чем угодно, но, может быть, не стоит сразу открываться. Выдайте историю с Девой, скажем, за некое видение, что ли, за таинственный случай...»

И вот пришла пора что-то говорить. Лучников ждал ответа, а Стрелец медлил, перебегая взором от одной картины к другой. Некоторые были повернуты к стене, а прочие, чуди-

лось, жили сами по себе.

Стрельца до глубины души поражало сходство эфемерных образов Сферы с теми персонажами, которых он видел на этих холстах. Но теперь он смотрел внимательнее и различал не только радугу красок и буйство фантазии, но и подробности, с первого взгляда ускользнувшие от него.

Уже стало ясно, что настольной книгой Лучникова – как, впрочем, и самого Стрельца во время подготовки к съемкам феерии, – было «Описание всего звездного неба» Яна Гевелия, только вот звездный мир Лучникова, сохраняя основные черты и волшебную особенность гевелиевых картин – изображение созвездий словно бы не с Земли, а с другой, противоположной стороны, как, возможно, видит их и сам Творец, – был населен иными существами.

Так, Змееносец в одежде землепашца держал чудище, пламеневшее червонным золотом, этакого Змея Огненно-го... с женским ликом. Чаша, у Гевелия украшенная львиными головами, здесь имела вид крутобедрой фарфоровой вазы, вроде китайской, с изящным рисунком. На ней по кобальту был изображен белый парящий среди облаков дракон, однако Стрелец разглядел и тщательно вырисованную сеть трещин, словно художник задался Целью показать, как бережно была склеена разбитая на мелкие кусочки ваза. Стрелец невольно вздрогнул при виде ее, потому что тотчас вспомнил непостижимое ощущение, постигшее его в Лабиринте, когда он уже изнемог от бесконечности пути: будто

его тело, как хрупкая ваза разбилось о твердь странствий – и лишь тогда забрезжил выход...

На другой картине вместо кокетливой Кассиопеи была изображена на ее троне и в ее позе прекрасноликая обнаженная женщина в тяжелых ожерельях и браслетах. Богатые косы ее венчало изображение священной змеи – урея, словно у египетской царицы древности.

Андромеда же оказалась облаченной в причудливые шелка, ее высоко подобранные волосы были пронзены двумя острыми шпильками с золотыми шариками на концах, а глаза чудились длинными, по-восточному раскосыми...

Стрелец тряхнул головой, пытаясь оторвать взгляд от этих странных, чарующих полотен, да так и замер. Созвездие Стрельца – его созвездие! – на одной из картин представало в виде молодого офицера; Стрелец невольно вспомнил картины русских баталистов XIX века, которыми недавно ему пришлось пользоваться при подготовке к историческому сериалу. Но увидеть вот такого прапорщика среди звезд, между Скорпионом и Козерогом!.. Тяжелый пистолет был вскинут, а вверху виднелось созвездие Лиры, почему-то имеющей вид гитары с оборванными струнами.

Стрелец повернулся к Лучникову.

– Почему у нее струны оборваны? – с неожиданной для самого себя резкостью спросил он.

– Они порвались сами, одна за другой, от времени. Возможно, это сделал и я. Очень красиво, верно? Словно изло-

манные в отчаянии руки. Но, может быть, вы перестанете бродить, будто в музее чужой жизни, от картины к картине, тем более, что это всего лишь копии, и объясните наконец, что же привело вас сюда?

Стрелец опять не успел ответить. Он только сделал движение, пытаясь успокоить Лучникова, как вдруг, одновременно с его жестом, в форточку ворвался ветер. Но это не был клуб стужи, перемешанный с колючими снежинками, которые носились за окном. Чудилось, ветерок прилетел сюда из цветущего сада... Стрельцу даже почудилось, что он видит белые лепестки.

Руки Лучникова взлетели, будто готовые к объятию. Лицо его вспыхнуло, он зажмурился, но Стрелец успел заметить, что в глазах его проблеснуло выражение не то боли, не то всепоглощающего блаженства... О, сейчас он казался не усталым и больным, а юношей смятенным! Наконец Лучников разомкнул ресницы. Взгляд его был затуманен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.